

С. Весто
**ПРОЛЕГОМЭНЫ
ЭВОЛЮЦИИ**

сага о бойцовой рыбке

С. Весто
ПРОЛЕГОМЭНЫ ЭВОЛЮЦИИ
сага о бойцовой рыбке

 senvesto.com

Любое использование текста, оформления книги – полностью или частично – возможно исключительно с письменного разрешения Автора. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами. For information address: Copyright Office, the US Library of Congress.

© **S. Vesto**, 2009
© **S. Vesto**, graphics. 2009

Нет во Вселенной ничего более безвредного, чем здравый смысл. Но будь у эволюции ложка здравого смысла, они бы погибли обе.

- Гарпии, летящие над утром

1

— □

Однажды в далеком-предалеком звездном скоплении жила-была бойцовая рыбка. Звали ее разными именами и названиями, иностранными, скучными, научными и непонятными, некоторые звали ее даже хаплохромисом многоцветным – за тонкость вкуса и чистоту красок, но звать так ее решались немногие, а все звали только бойцовой рыбкой, даже кто ее никогда не видел, а только слышал: просто так было короче. Все было у нее хорошо и все было как у людей и не было только одного: трудностей, которые нужно преодолевать. «Вот, - расстраивалась рыбка, - все люди как люди, что-то там все время преодолевают, какие-нибудь барьеры и неприятности – только у меня все не как у всех». Так сидела она, задумчиво глядя на соседние стайки рыбок и как медленно двигаются по тонкому белому песку дна солнечные блики, и так проходили один день за другим и один год за следующим.

Но однажды в пределах лазурных территорий актиний и кораллов, прямо над любимой норкой хаплохромиса, медленно изгибаясь и не спеша, прошла большая темная тень, не то акула, не то даже вовсе касатка, – как

неторопливый провозвестник вечного возвращения и напоминания о том, что где-то есть и другой мир, и он не так уж отсюда далеко.

«Ни хрена себе, - флегматично подумала бойцовая рыбка, задрав голову наблюдая за передвижениями тени у себя над головой. – Я тоже такое хочу. Как к себе домой...»

На самом деле у хапдохромиса тоже имелись в жизни свои проблемы, и они часто становились проблемами окружающих. Дело в том, что, как принято было считать, коралловые рыбки были разноцветными не просто так, а с научным смыслом, чтобы видно было далеко и хорошо – чтобы другие особи своего вида, случайно проплывавшие неподалеку, понимали: вот здесь начинается одна территория, а вот там начинается другая. Считалось даже, что территориальные окраски коралловых рыбок вывешивались только для своих: другие представители могли их во внимание не принимать вовсе. Что они и делали. И совершенно напрасно.

Еще говорили, что с точки зрения сосуществования видов те самые представители как бы должны были интересоваться рыбку не больше, чем, скажем, камушки на белом песке или пустые ракушки. Но имея о сравнительной этологии лишь достаточно поверхностное и общее представление, бойцовая рыбка ничего об этом законе не знала и делала что хотела, чем и объяснялись те трудности, которые она создавала другим, осложняя жизнь себе и немногочисленным соседям. В спину ее звали норкой, у которой не все дома. Впрочем, Хапдохромиса это тоже трогало мало.

В общем, окружающий его норку мир положительно был не в его вкусе. Сказать иначе, он ему не нравился, включая вкус того, кто всем этим до него занимался. И тогда он решил поменять все на что-то другое – убрать, как убирают не очень удачный эскиз, и нарисовать все заново, вместе с норкой, лагуной и остальным мирозданием - поменять на что-нибудь, что будет радовать глаз больше. Сколько себя коралловая лагуна помнила, Хапдохромис всегда считал себя экспертом по части вкуса в эстетике, и это для окружающего мира тоже служило постоянным поводом для беспокойства.

«Эта бойцовая рыбка – просто надругательство над здравым смыслом, - убежденно рассказывал один жирный карась одному случайно проплывавшему мимо якорю. – Иногда просто опускаются руки. Кидается на все, что проплывает мимо. Теперь вот ей эволюция поперек дороги встала».

«И что мне теперь прикажете делать? – желчно спрашивал якорь. – Покончить жизнь самоубийством?»

«Я понимаю ваш сарказм, - вдумчиво отвечал карась. – Не вы первый. А потом начинают заламывать руки. Хотите один бесплатный совет? Не надо резких движений. В нем очень сильно развит инстинкт хищника. Я кое-что в этой жизни повидал, поверьте на слово: не надо ненужных движений. Вообще не надо торопить события...»

«Но я не могу тут всю жизнь просидеть у вас на попе, - раздраженно говорил якорь. – И потом. Это что-то неслыханное! Я сколько плаваю – нигде с таким не сталкивался...»

Карась примирительно качал головой, глядя понимающе и с сочувствием.

«Хороший вы мой, поверьте на слово: чем раньше вы примиритесь с этой мыслью – тем меньше он вас поимеет. Мы все через это прошли. Доверьтесь мне: я кое-что понимаю в этой жизни. – Опытным путем выведенная зависимость наполняла жизнь новым смыслом. Там, где можно, карась следовал лучшим из своих побуждений. – Самообладание –

вот то, что вам сможет помочь. Чем раньше вы остановитесь, тем лучше будете выглядеть». – Наученный жизненным опытом, он не хотел другим повторения своих ошибок.

Якорь чудовищным усилием воли подавил новый прилив раздражения, вместе с тем, явно предпочитая оставаться при своем мнении.

«Мне это не нравится», - честно предупредил он.

Карась не выглядел удивленным.

«Вы не первый, от кого я это слышу. Вы когда нас покидаете?» – поинтересовался он вдруг озабоченным тоном.

Якорь кисло сморщился.

«Как господь призовет...»

Карась глядел, ожидая продолжения.

«А если точнее?»

«А если точнее, то как там наверху что-то кому-то в голову ударит – так сразу...»

«Я-асно... - с сочувствием протянул карась. – Не в курсе, значит. Не знаете».

«А и никто не может понять», - отвечал якорь. Он явно собирался добавить что-то еще, но словно бы в конце концов передумал. Якорь глядел, переживая противоречивые чувства.

Он выглядел заметно расстроенным.

«Сколько я на этом треклятом свете живу, - сообщил он карасю, конфиденциально понизив голос, - не могу уловить до конца логики. Иногда, верите, близок к отчаянию, готов к любым крайностям. Думаешь грешным делом, а может, ее вообще нет? Этой логики, а? Вроде уж и выстроил все и все построил и собрал свидетельства очевидцев – р-раз... и нету». Якорь звонко ударил по ладони тыльной стороной другой руки.

Карась смотрел, сочувственно кивая в такт словам собеседника.

«Ой, ну что же это за жизнь такой, а!..» - с сердцем вскричал якорь.

«Может, вы пойдете куда-нибудь в другое место орать прямо над душой, - раздался откуда-то снизу грубый мужской голос. – Народ еще спит, наверно».

Опустив взгляды, карась с якорем рассеянно стали смотреть на уходящую вдаль поверхность дна, тронутую одинаковыми песочными гребешками, но ничего там не нашли.

«Между нами, - заметил карась, понизив голос. – Существует мнение, что все это... - Он обвел глазами толщи голубой воды, пронизанные размытыми солнечными лучами, где малолетние сарганы уже гонялись за кем-то с раннего утра, - ...в скором времени ожидает изменения. Я бы даже сказал, *существенные* изменения». – Он чуть приподнял брови, многозначительно поджав губы.

Якорь терпеливо слушал.

Карась окинул собеседника изучающим взглядом.

«Полагаю, вы к нам надолго», - сказал он.

«Вряд ли, - отвечал якорь, побледнев. – У нас только кратковременное разрешение на пребывание».

Карась задумчиво покивал. Он решил не развивать тему дальше.

«В таком вот ключе», - произнес он.

Якорь без особого интереса поглядывал по сторонам и наверх, время от времени начиная не очень уверенно переминыться.

«Все-таки кое-что меняется, - сказал жирный карась, проследив за его взглядом. – Жизнь не стоит на месте».

«У вас стало больше места», - ответил якорь деликатно.

«Больше места, больше жизни, - поддержал карась. - Теперь вот бойцовая рыбка решила эволюционный процесс остановить. Видите ли, он ей не нравится. Оскорбляет рост эстетического чувства».

«Что сделать?» - недоверчиво склонил одно ухо якорь.

«Ужасно, правда? - ответил карась. - Во сне даже не приснится. У нас тоже все в шоке. Уж на что был коралловый абу-дефдуф - не к обеду будет сказано... П-тьффу, прости господи... Злобный аспид - так он, верите, и его съел! Ничего святого у него нету...»

Жирный карась невесело усмехнулся.

- Был даже один случай... Прямо не жизнь - анекдот. Тут до сих пор не все решаются вспоминать вслух. Идет, значит, по своим делам барракуда. Ну, знаете, как она идет, и какие у нее дела - тоже все знают. Идет, в общем, идет - бам! На горизонте видит что-то, что до нее никто еще не успел съесть. Видит: лежит на дне тень, а у тени какая-то рыбка. Сидит, никого не трогает - думает. Смотрит куда-то вверх, смотрит куда-то вниз - и одна, как смысл жизни, никого на парсек вокруг до самых шельфов, кроме какой-то случайной касатки на вольных хлебах, ни одной живой души, можете себе представить? Что-то неслыханное. У барракуды, конечно, челюсть вниз - глаза вверх. Ну, дура душой ведь, человек действия, сразу - непосредственно к сути дела: давайте вначале съедим, а потом посмотрим, что съели. Значит, сидит прямо по курсу объект приложения сил и желудка и ничего вокруг не замечает. И о чем думает - непонятно. Ни тебе мало-мальски серьезного укрытия рядом, ни тебе там охраны, я не знаю... В общем, затаенный взор к небесам и глубинам философии и бытия. Барракуда, понятно, тут же со всех стапелей и сразу за стол. Ну, все слышаны, какой у нее по утрам аппетит, да ниспошлет ей небо чем-нибудь подавиться, прости господи... Так вот. А когда барракуду, это самое, по-настоящему прижмет, так у нее теряется последнее чувство меры и расстояний - идет без тормозов и не оборачиваясь на последствия. Летит, значит, и вдруг видит, что рыбка, оказывается, там не простая, а, как вдруг выясняется, бойцовая. Можете представить ее чувства? И остановиться уже нельзя - не те взяты скорости и расстояния, да и не предусмотрены у барракуды тормоза на такие случаи жизни. Что делать? И встать нельзя, и вешалкой уже не прикинуться, и даже извинений не принести - знаете ведь, как у нее: челюсть до земли и все намерения наружу, и глаза что твоя задница, ну что ты будешь делать... Безвыходный случай. Ни туда - ни сюда. И тогда барракуда, даром что по жизни бестолочь, что делает: со всех ног и с разинутыми намерениями проносится мимо и на сумасшедшей скорости въезжает в самца касатки, который, как специально, как раз, мирно завтракая, проходил общим фоном и прямо по курсу за бойцовой рыбкой. Неторопливо так проплывает, тоже никого не трогает, тихо-мирно... В общем, сплошной натюрморт с солнышком. Это раз увидеть - больше ничего не надо. Стоит один - напротив другой. Один смотрит - и другой смотрит. Касат этот даже жевать перестал, у барракуды аппетит тоже уже прошел. Теперь касатик что предпринимает: медленно так, с недоумением приподнимает брови и говорит: «Не понял».

Не понял он, понимаешь? И объяснить некому. А народ ведь тут у нас сам знаешь какой. Запах неприятностей чувствует на год вперед, особенно чужих. Вокруг уже масса желающих: все уже удобно устраиваются, кто счастливо облизывается, кто собирает деньги. И ведь что во всей истории самое интересное - поведение бойцовой рыбки. Хаплохромис этот наш, герой с того света, постоял так, посидел, посмотрел через плечо - и, ни слова не говоря, не обернувшись даже, снимается и

отбывает в неизвестном направлении. Шумно что-то стало. Могу поклясться: не иначе как опять пляться наверх, мыслить и созерцать. Сосуд самообладания. В таком вот виде. За него тут, понимаешь, кровь проливают...

Карась помолчал, задумчиво пожевав губами.
- Вот такие дела, - заключил он.

2

Слово, как всегда, сразу взял краб. Его знали как того, кто преуспел в искусстве оправданий, поэтому его всюду выпускали первым.

- Мужчины, - сказал он. - С этим надо что-то делать, больше так жить нельзя.

Все горячо закивали и загомонили, соглашаясь, что да, так больше нельзя. По устоявшейся традиции краб решительно перешел непосредственно к сути проблемы.

- Значит так. Я предлагаю: хватит болтать. Пора заняться делом. У меня предложение. Первым делом мы что делаем: первым делом мы отделяем, кто с нами. Затем выясняем, кто против нас. С этими разговор у нас будет короткий. Правильно я говорю?

Собравшиеся вновь зашумели. Раздались аплодисменты. Кто-то закричал нехорошим голосом: «Краба в президенты». Все засмеялись.

- А то, понимаешь, разговаривают... Теперь насчет эволюции. Это самое... Я против эволюции ничего не имею, надо – значит, надо. Но вот бойцовую рыбку туда на километр близко нельзя подпускать, нечего ей там делать. Должно же быть какое-то чувство меры. Правильно я говорю? А то так к чему мы придем, я спрашиваю. Ни к чему мы так не придем. Взять хоть вот этих дельфинов. Сколько можно. Вы не поверите, до чего дошло. Представляете, я только недавно узнаю, что у них нет фазы быстрого сна. Я как узнал, так прямо сел где стоял. Я говорю: ты что это себе позволяешь. Ты особенный, что ли? Мы, коллектив, этого не одобряем. Знаете, что он ответил? И как только земля таких держит. «Писать я хотел на ваше неодобрение». Прямо при сотрудниках. И никто не знает, что делать. Нет ее – и, говорят, никогда не было, этой фазы. У меня она есть – у них ее нет. У всех она, значит, есть... – у тебя она есть? Есть. У него она есть? Есть. У вас она есть?.. Я вам точно говорю, что должна быть, даже не сомневайтесь. У всех то есть есть – у них нет. Мне до сих пор не по себе делается. Так больше нельзя. Я говорю: это самое, ты особенный, что ли? Я вот так прямо и сказал, открыто. Сказал, как было. Ты один, что ли? У меня язык прямо отнялся. Пялится, значит, это самое, улыбается прямо в лицо этими своими зубами – и произносит такое вслух, прямо при представителях. Еще с таким удовольствием. В открытом виде. Вот я и спрашиваю себя: куда мы идем?

Теперь бойцовая рыбка. Мало нам было ее одной. Вы не поверите, я теперь даже во сне периодически вздрагиваю. Нельзя не вздрагивать. Сплю, значит, и вижу: улыбается мне прямо в лицо Хаплохромис – рот до ушей, и щеки с ямочками. Смотрит и с удовольствием таким сообщает: «Не одобряете, значит...»

Я к чему это рассказываю. Что хотели – то получили. Вовремя не приняли меры. Бойцовую рыбку ни к каким эволюциям нельзя было подпускать, знали же – и бездействовали. Короче, хватит разговаривать, так больше нельзя. Если она дорвется до эволюции, то всех последствий мы за всю жизнь не разгребем. И еще другим останется. Если нужны

самые решительные меры – примем меры самые решительные. Вплоть до. Говорил же, что допрыгаемся...

3

«...Лозунг свободы от оценок в естествознании не должен приводить к убеждению, будто происхождение видов – эта великолепнейшая из всех цепей естественно объяснимых событий – не в состоянии создавать новые ценности, – читала бойцовая рыбка, аккуратно придерживая книжку за стиб переплета. – Возникновение какой-то высшей формы жизни из более простого предка означает для нас *приращение* ценности – это столь же очевидная действительность, как наше собственное существование...»

Рыбка задумалась. Перечитав, принялась читать дальше.

«Ни в одном из наших языков нет непереходного глагола, который мог бы обозначить филогенетический процесс, сопровождаемый приращением ценности. Если нечто новое и высшее возникает из предыдущей ступени, на которой нет того и из которой не выводится то, что составляет саму суть этого нового и высшего, – такой процесс нельзя называть развитием...»

Рыбка по здравом размышлении согласилась, что да, нельзя. Елки, подумала она. На что надеется этот мир? Поплевав, она перевернула страницу.

«В принципе это относится к каждому значительному шагу, сделанному генезисом органического мира, в том числе и к первому – к возникновению жизни...»

Рыбка вновь прикрыла книгу, заглядывая на обложку с заглавием. В подзаглавии стояло: «Конрад Лоренц».

Хорошо пишет, подумала рыбка. Главным образом классический труд по сравнительной этологии был принят к сведению из-за имевшего в нем места описания поведения в естественных условиях клинически агрессивных коралловых черных адонусов – заклятых врагов хаплохромиса, к последнему времени утеревших последние остатки совести, которыми и раньше были обременены не очень, – в целях пополнить запас теоретических сведений. Интересно, подумала рыбка, закладывая пальцем нужную страницу, опуская книжку и устремляя в туманную даль задумчивый взгляд. Развитие – это когда что-то развивается из чего-то. Как растение развивается из своего семени. Ничего ненужного или лишнего. Это можно понять. Труднее обстояло с переходностью глагола. Очевидно, существовали такие глаголы, которые куда-то переходят, в чем и состояло отличие одного от другого. Очевидно было также, что вопрос куда они переходят был до известной степени не лишен логики. В конце концов, это же не больше чем условность – переходность одного и непереходность другого, дело же не в этом. Рыбка вздохнула. Теоретическая грамматика никогда не была ее сильным местом.

В самом деле, подумала она. Нет глагола, обозначающего филогенетический процесс, сопровождаемый приращением ценности. Приращение ценности... Новое и высшее из предыдущей ступени – и которое к тому же нельзя назвать развитием... Интересно.

«Transitive and intransitive verb... Transitives und intransitives Verb...»¹ Логический ряд чем-то выглядел явно знакомым. Это когда один и тот же глагол может быть и переходным и непереходным. Понятие не имею, что бы это могло значить. To run, например. To run problems. Это то, чем тут сегодня все занимаются.

¹ Переходный и непереходный глагол. (англ., нем.)

Да, да, да... Взгляд бойцовой рыбки стал светлее. Направление размышлений явно было верным, она почувствовала себя увереннее. В номинативной конструкции субъект действия распространяет себя на его объект. По крайней мере, так говорят. Где субъектом будет у нас собственно действие, а его объектом – что-нибудь, не важно. Что-то с модальностью сущего. Что бы оно там ни было, все равно это не больше чем условность, важна не столько она, сколько филогенетический процесс. Чтоб мне быть кактусом, подумала рыбка.

«...Ни в одном из наших языков...» – вновь раскрыв и убрав палец, перечитала бойцовая рыбка запавший в сердце абзац. Филогенетический процесс... приращение ценности... Рыбка задумчиво покивала, не найдя, что сразу возразить. В общих чертах суть затруднений языков, автора и филогенетического процесса теперь были ясны.

Скажем, развитие. Все хорошо, только нет приращения ценностей. Значит, нужно, чтобы было. Да чтобы с перспективой вдаль – и из предыдущей ступени...

Рыбка задумалась.

Раз-витиe... Раз-ви-тие... Елки с палками. Приращение им сделай. Аккуратно прикрыв книгу и заложив пальцем на прежней странице, рыбка приподняла брови. Это становилось интересным. Сложность стоявшего перед филогенезом и эволюцией затруднения лишь сейчас стала вырисовываться во всех своих нешуточных горизонтах.

Такого еще не было. Одно недоразумение, какое-то внебрачное порождение чистой условности прямо перед носом метило себе территорию и смотрело снисходительно, цинично и с иронией. Рыбка взяла себя в руки. По принципу своей организации ее трудно было заставить изменить обычную окраску территориальных коралловых рыбок, но вот уж если кто-то или что-то объявляло ей войну на выживание, то тут все уже хорошо знали вот это ее выражение, когда разрешены все приемы, а что было нельзя, то можно тоже. Потом Хаплохромис взял в руку карандаш и осторожно, соизмеряя ответственность перед каждым знаком после запятой, на полях раскрытого труда написал: «to eⁿ-genesis». Затем немного отодвинул от себя книгу и посмотрел на написанное как бы в новом свете. Да, подумал он. Ради этого стоит жить. Я вам не цихлид какой-нибудь разноцветный, не одонус. Жизнь по-прежнему была полна звучаний и красок. В новой редакции лицо эволюции и филогенетического процесса выглядели значительно лучше. Вновь подняв карандаш, уже не сомневаясь и больше не оборачиваясь на последствия, он вывел: «zu eⁿ-genesen». Где e – будет у нас, очевидно, основанием натуральных логарифмов.

Рыбка снова улыбнулась. Филогенез даже не догадывался, что его ждало. «Eⁿ-развитие». Да. Шедевр эволюции был больше, чем просто условностью – без него не было бы ее. Елочное развитие. Елки с палками. С этой последовательностью ступеней тоже было не все еще ясно, впрочем, общей картины это уже не меняло. Это уже то, над чем напряженно, не покладая рук, будут работать будущие поколения, нельзя же все делать за них.

От проблем мироустройства внимание Хаплохромиса отвлекла другая мысль. А что, подумал он. Применительно к нашему случаю это будет выглядеть как лишь подмена одной эволюции другой. Хаплохромис задержался на этой мысли. Если eⁿ-эволюция действительно имеет место, то можно было попробовать. Здесь что-то было. Он даже совсем собрался уже в первом приближении прикинуть, как бы все это выглядело на полях уважаемого автора, но тут мимо на сумасшедшей скорости, как банда

миниатюрных барракуд, промчалась стая сарган, явно на пределе аппетита, и пришлось спешно подхватывать разлетевшиеся по сторонам принадлежности. Хаплохромис покачал головой, глядя им вслед. Это ведь так никакого здоровья не хватит, подумал он.

4

Консилиум Наций состоялся, вопреки традициям, без долгих вступлений. Собственно, вступлений как таковых не было на этот раз вообще – все ждали только одно виновное лицо, ради которого, строго говоря, все и собрались. Лицо, как всегда, запаздывало. Все, как всегда, ждали. К этому тоже уже привыкли.

В празднично распахнувшихся створках дверей, словно новый эпизод истории, – как всегда, улыбаясь на все триста тридцать три зуба, как всегда, в превосходном расположении духа и тела, – как на подиум зрительских симпатий, появилась акула. Грянула портативная музыка. Сопровождающие лица со вкусом оттеняли ее достоинства. Чуть задержавшись в дверях и придерживав створки, как бы звездной улыбкой профессионального обольстителя до ушей предваряя все, что последует дальше, и словно говоря: «А вот и я!» – давая пюпитрам, юпитерам и взглядам сполна оценить все выгодные контуры и изгибы, она понесла свои знаменитые очертания под своды ассамблеи к полированным, не имевшим границ поверхностям бесконечного стола: раздавая звездные взгляды и ниспосылая влюбленные вздохи, направо и налево раздавая игрушечные воздушные поцелуи и благословляя этот несовершенный светлый мир одним своим появлением. Все терпеливо улыбались.

Удобно расположившись и откинувшись на своем обычном месте, акула приветливо покивала заседающим лицам, давая понять, что вводная часть благополучно подошла к концу, рабочее настроение вновь поставлено во главу угла и можно переходить непосредственно к существу дела и что она готова с равным вниманием выслушать как последние новости о погоде, так и известие о конце света.

- Хорошо выглядите, - льстиво улыбнулось ему ближайшее создание в офисном кресле, выставляя на всеобщее обозрение все зубы, сколько их было. – Как вам удастся сохранять такой превосходный цвет лица?

Акула, невольно откидываясь еще дальше, похабно заржала, но тут же вновь взяла себя в руки, ерзая и поправляя на столе бумаги, словно подбирая из пришедших на ум ответов наиболее дипломатичный и отвечающий обстановке.

- У нас затруднение, - негромко встрял секретарь своим скрипучим скобящим голосом, садясь прямо и собирая перед собой пальцы вместе. Его длинное неприятное лицо нависло над столом, заслоня часть отражающих бликов.

Все помолчали. Лучше сказать, у нас проблема, подал голос еще один из приглашенных, по другую сторону от акулы.

Настроение у нее моментально стало другим.

- Друг мой, - произнесла она, мягким движением накрывая руку собеседника своей. – Разрешать проблемы – равно и как их создавать – это как раз то, зачем я здесь. Смелее...

Ее кратко ввели в курс дела - стараясь не сгущать, не обобщать и воздержаться от окончательных выводов.

Акула больше не улыбалась.

- Мне сказали, что нужно решить одну проблему, - произнесла она, внимательно разглядывая кончики пальцев на одной руке. – Но мне никто ничего не говорил о бойцовой рыбке.

Какое-то время в зале было тихо.

- Мы не хотели создавать дополнительные сложности, - как всегда, с обезоруживающей открытостью и прямоотой подал голос председательствующий.

- Вы их уже создали, - неприятным голосом отозвалась акула. – Вы знаете, каких жертв мне стоило отменить все назначенные мероприятия и попасть сюда?

Никто не нашелся, что возразить в ответ. Когда поднимался разговор о жертвах, понесенных акулой, желающих поддержать тему находилось не много.

Настроение у нее совсем испортилось.

- Попросите вон барракуду, я не знаю...

- Мы уже спрашивали, - произнес секретарь.

- ...пираньи есть наконец, - словно не слыша, продолжала акула. – Если они убежденные сторонники пресноводных водоемов – создайте им все необходимые условия...

Акула с видимым напряжением оттирала подушечкой одного пальца поверхность ногтя другого, явно перебирая в уме обширный список вариантов, призванных наиболее полно и самым удачным образом разрешить создавшиеся трудности.

- Если встанет вопрос о замене одной бойцовой рыбки на контингент пираний у нас дома, то я бы тогда сам предпочел переселиться в пресноводные водоемы, - на редкость трезво и разумно внес пояснение коралловый аспид. – Не из чего, собственно, не следует, что они не сумеют найти общий язык.

Все какое-то время сохраняли молчание, представляя, как бы подобный сценарий мог выглядеть на практике.

- Итак, дураков нет, - философски подвел заключение председательствующий под возвышенными сводами ассамблеи, когда молчание затянулось.

Других дополнений вновь не последовало.

- И что же нам теперь со всем этим делать?

/.../

Купить книгу С. Весто. ПРОЛЕГОМЕНЫ ЭВОЛЮЦИИ. Сага о бойцовой рыбке:

Печатная книга по технологии книга по требованию (без посредников)

senvesto.com